

Шкатулка с пуговицами

Лариса Хващевская

Лариса Хващевская

Шкатулка с пуговицами

«Издательские решения»

Хващевская Л.

Шкатулка с пуговицами / Л. Хващевская — «Издательские решения»,

Популярная писательница Полина Ковальская волею случая отправляется в глухой сибирский город за наследством и новыми впечатлениями. Она и не подозревает, что сможет не только попасть в прошлое, но и узнать будущее свое и, возможно, всего человечества.

Содержание

Пролог	6
1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Шкатулка с пуговицами

Лариса Хващевская

Посвящается моему отцу.

– Мы здесь одни? – спросил Майкл. Ангел обернулся к нему и усмехнулся.

– Все зависит от того, что означает для тебя слово «одни». Ты видишь вокруг контракты каждого человека на планете, – сказал ангел и снова зашагал вперед.

Ли Кэрролл «Путешествие домой».

© Лариса Хващевская, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Она смотрела на него долгим глубоким взглядом. Не поверхностно скольльзящим, но видящим самую его Душу. И было в этом взгляде чувство, которое на бедном человеческом языке было принято называть любовью. Но это не была любовь женщины к мужчине. Не была любовь сестры к брату или матери к сыну. Это было скорее чувство к части самой себя, настоящее и не имеющее объяснения на земле.

– Послушай, но это довольно жестоко. Ты не находишь? – спросил он, уже заранее зная ее ответ и внутренне улыбаясь. Спросил мысленно, как это часто бывало в их мире.

– Во-первых, могу тебе напомнить предыдущую встречу, – все-таки улыбнулась она. – Мы идеально подходили друг другу. Были вместе с самого начала...

– И, кажется, перешли в один и тот же день, – добавил он.

– Ну, да, – она мягко накрыла его руку своей ладонью, – умерли, милый, в один день. Ты так хотел, чтобы «как в сказке». И каков результат? Никакого существенного скачка не произошло. Мы потеряли время.

Время! Она иногда все-таки мыслила, как обычная земная женщина, и это ему тоже в ней нравилось.

– Потеряли время и ничему не научились. Были слишком счастливы и спокойны, чтобы приобрести Опыт. Поэтому пусть в этот раз будет больше препятствий.

– Больше препятствий? – он в волнении прошелся. – Да они непреодолимы. Шанс снова встретиться минимален. Мы проживем друг без друга целую жизнь. Что нам останется? И ты придешь ко мне такой разочарованной, что и внимания на меня не обратишь.

– А ты будешь умным. Будешь интересоваться психологией, научишься всяким психологическим уловкам. В конце концов считаешь ...этого, – она нетерпеливо пощелкала пальцами, – как там он называется последние несколько посещений?

– Зеландом, – он почувствовал, что как всегда начинает ей уступать.

– Зеланда. Хотя лично мне Литвак кажется более практичным, – улыбнулась она.

– Не слишком ли я буду хорош? Почти идеален.

– Ну, – она задумалась на мгновение, – мы разбавим это чем-нибудь. Ты можешь быть фанатом футбола и любить женские романы.

Они засмеялись.

– Нет. Ограничимся футболом. И еще, – по-мальчишески запальчиво сказал он, – в этот раз я все-таки буду спасать человечество.

– Так вот ты какой, бэтмен! – изумилась она. Он не подхватил шутку:

– Я буду работать над созданием, например, средства для вечной молодости.

– Как скажешь, милый. И далась тебе эта идея. Пусть. Это нюансы.

– Важные! У меня уже есть пара идей для завязывания отношений.

– Я всегда в тебя верю. Но надо сделать так, чтобы в этот раз точно получилось, – она улыбалась знакомо и просто. Он прижал ее к себе:

– Жаль только, что во время этих посещений я не помню, как сильно я тебя люблю.

– Мы обязательно это вспомним.

– Мы нарушим правила?

– Мы нарушим пристойность, – засмеялась она. – Все будет прекрасно. Верь мне.

И он поверил. Он привык доверять своей вечной Прекрасной Подруге.

– Я буду скучать, – вздохнул он.

– Тем радостнее будет встреча, – она поцеловала его. – Пора.

Они вошли в большой зал, освещенный ровным мягким светом.

– Теперь, надеемся, все? – голоса собравшихся за столом звучали без укора, скорее понимающе.

– Вы договорились?

– Простите, что заставили вас ждать, – она обвела всех глазами. Мужчина и женщина заняли два пустующих места за столом. И как часто раньше все они по очереди склонились над большим исписанным свитком и подписали его.

1

Кризис среднего возраста ничто по сравнению с кризисом творческим. Это Полина как всегда узнала на собственном опыте. С кризисом среднего возраста еще можно бороться с помощью салонов красоты, походов по магазинам, флирта с молодыми мужчинами, новых впечатлений в путешествиях. Творческий кризис нельзя победить ничем. Не помогут салоны и впечатления, да и мужчины здесь тоже бесполезны. Вообще, Полина давно поняла, что последнее – малоэффективное средство. К сорока годам у нее был полный суповой набор, как говорила ее сибирская бабушка. Она успела разойтись, правда, тихо и мирно, но разочаровавшись в представителях сильного пола. Ее последняя книга подверглась жесткой критике, извечного врага и подруги по совместительству, критика Лиманской («Почти Латунской», – утешала себя Полина). А самое страшное – новое не писалось. И сколько бы не сидела она, подперев русую голову и глядя вдаль серыми печальными глазами, не приходило ощущение легкости и внутренней убежденности, когда ручка сама скользит по бумаге. Полина никогда не печатала сразу на компьютере. Вначале это была обязательно простая шариковая ручка и обязательно с толстым стержнем и блокнот, страницы которого переворачивались вертикально. Это было долго. Но это была привычка. Полина утешала себя тем, что странностей не избежал ни один великий писатель (а великой быть очень хотелось, овен, ничего не попишешь). Достоевский Федор Михайлович, говорят, диктовал лежа на кровати и отвернувшись к стене, Эдгар По не мог писать, не поставив ноги в таз с холодной водой, Алексей Толстой клал на голову мокрую тряпку. А Леонид Андреев мог работать только ночью, шагая по большому темному кабинету и диктуя переписчице, сидевшей у крохотной лампочки. В общем, отмеченность даром не проходит. Поэтому «по сравнению с Бубликовым» Полинину причуда и причудой-то не была.

Итак, книга не шла. Сюжет блуждал в лабиринтах сознания. И Полина с ужасом понимала, что все, о чем она думала, уже написано кем-то до нее. Поэтому целыми днями она меланхолично слонялась по дому в любимой клетчатой рубашке, и попытки Лиманской переодеть ее и вывести на улицу встречали холодное сопротивление. Пила свой любимый чай со вкусом зимнего чернослива. И наблюдала за своими любимыми улитками в аквариуме. Потом вдруг (Полина настороженно относилась к этому слову) раздался телефонный звонок. Оказалось, что не стало ее бабушки по отцовской линии. Они не общались лет тридцать. Вначале был родительский развод. Потом трагедия с отцом. Потом Москва. Браки. Писательство. Жизнь текла своим чередом. И дела и заботы совершенно заслонили воспоминания детства. Она знала, конечно, что в маленьком сибирском городке, откуда Полина была родом, живут ее родные, но не более того. Поэтому Полина удивилась, узнав, что ей надо ехать под Новосибирск для вступления в наследство. Из наследства был дом. И в другое время Полина не поехала бы, но сейчас это казалось избавлением от обыденности и неприятностей. А ночью ей приснился странный сон, в котором она блуждала по каким-то лестницам, заброшенным чердакам. Они что-то неуловимо напоминали ей. Нашла деревянную шкатулку, полную пуговиц. Пуговицы были разноцветные, разной величины и фактуры. Что-то во сне испугало Полину, и все они посыпались, отскакивая от пола и блестя в призрачном свете. В этот момент она проснулась. Рядом на подушке вибрировал телефон.

– Поля, ты только не ори, – голос Лиманской звучал виновато.

– Не называй меня Полей, – холодно проинформировала Полина. – Это для друзей.

– Ну, хорошо. Ты же знаешь, что я всегда стараюсь быть объективной. Твоя последняя книжка не дотягивает. Ты сама разве не чувствуешь? Конец смазанный, торопливый. Как будто ты спешила поскорее избавиться от героев.

– Ты Брут. Если не сказать хуже.

– Глупая, это тоже реклама. Прочитают рецензию, захотят убедиться сами.

Полину внезапно осенило:

– Лиманская, к чему сняты пуговицы?

– Понятия не имею. А что?

– Ты можешь искупить свою вину.

– Придумать новый сюжет? – тяжело вздохнула та.

– Нет. Ухаживать за улитками, пока меня не будет. Я уезжаю в творческую командировку.

– Терпеть не могу этих склизких тварей. Ну, почему ты такая странная? У всех людей кошки, собаки, хомячки, наконец. А ты? Улитки.

– Так посмотришь?

В трубке помолчали.

– А тогда мир?

– Не знаю, – честно призналась Полина. – А хомячков сама разводи.

Потом был долгий перелет до Новосибирска и, наконец, пригородный поезд, который через четыре часа должен был остановиться на станции Чулымская. Попутчица ей попалась разговорчивая, даже слишком. Дамой она была весьма экзотической. Женщина-гусеница, называла таких Полина. На ней была розовая футболка с изображением кошки, которую растянули до размеров монстра арбузные груди (как метко заметили однажды классики). Ольга (а соседка представилась именно так), видимо, совсем не смущалась бесконечными складками, свисающими по бокам узкой джинсовой юбки. И себе, судя по всему, очень нравилась. Она без предупреждения перешла на ты, и, не задумываясь о том, интересно ли это Полине, стала излагать свои политические и житейские взгляды. Причем меры по восстановлению справедливости она предлагала самые радикальные. Сбросить бомбы на внешних врагов и поделить все нажитое олигархами внутренними было, по ее мнению, самым правильным решением. Дальше Полина узнала все о многочисленном семействе гусеницы. Был муж – тракторист, которого она не однажды гоняла с соседкиного огорода. Но он был ею прощен, поскольку, как известно, все они кобели. А «хрен на хрен менять – только время терять». И потом соседке тоже досталась по первое число. И эта гадина, к которой «и конный и пеший», ходила на работу с синяком. «Зеть» достался дочери безрукий, гвоздя не вобьет. Все книжки читает. Сын, чудесный работающий мальчик, «попал как кур в ощи» к гадюке, у которой «зубы-губы», но Ольгу не покидала уверенность, что она «костьми ляжет», а жизни им не даст. Стараясь не втягиваться в энергетический маятник, Полина все же с изумлением смотрела на женщину. «Да, – вспомнилась Полине статья Ленина о Герцене, которую заставляли читать на филологическом факультете. – «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа». Полина всегда представляла себе «народ» смутно, но все же ей романтически казалось, что прогресс изменил не только техническую сторону жизни. В какой-то момент ей даже подумалось, что такая Ольга не может быть реальной. Вдруг ее как будто накрыло прохладной волной. Лицо Ольги изменилось. Это была она же, но бесконечно лучше. С сияющими глазами, в которых светился ум. Она улыбалась. И было это так знакомо. И что-то должна была Полина сейчас вспомнить. Но Ольга напротив задвигалась, зашумела, зашуршала пакетами, и видение исчезло, оставив после себя странное, щемящее чувство потери. Полина тяжело вздохнула и демонстративно опустила глаза в книгу Замятина, раскрытую у нее на коленях: «Я думал: как могло случиться, что древним не бросалась в глаза вся нелепость их литературы и поэзии. Огромнейшая великолепная сила – тратилась совершенно зря. Просто смешно: всякий писал – о чем ему вздумается».

Ольга между тем достала курицу из замасленной бумаги и, оторвав довольно крупную ногу, протянула ее Полине.

– Ешь.

– Нет. Спасибо. Я завтракала.

– Завтракала? – изумилась та. – А сейчас уж обедать пора. Ты болеешь что ли? Худая такая.

– Нет.

– Вот кто тебя такую замуж возьмет?

– Мне не надо замуж.

– Замуж всем надо, – безапелляционно заявила Ольга. Она с аппетитом откусила приличный кусок.

– Вот ты кем работаешь?

Полина замаялась на мгновение, но ничего не успела придумать:

– Я пишу книги.

Ольга даже жевать перестала:

– Ты Донцова че ли?

– Нет.

– Очень ее уважаю. Интересно пишет. Прямо про жисть. А ты про что пишешь?

– Фантастику.

Ольга затряслась всем телом, прыгал второй подбородок и все ее многочисленные запасы на случай голода.

– Вот чужь собачья. Кому эт нужны твои фантазии? Я – человек простой. Ты мне покажи, чтоб как в жизни. А не тоску нагоняй.

«Наши поэты уже не витают в эмпиреях: они спустились на землю; они идут с нами в ногу, – читала Полина, – идут под строгий механический марш Музыкального завода; их лира – утренний шорох электрических зубных щеток... и интимный звон хрустально-сияющей ночной вазы... и веселые голоса поваренной книги, и еле слышный шепот уличных мембран».

– Гений, – тихо проговорила Полина.

Ольга помолчала, увлеченная курицей:

– И че? Покупают?

– Покупают.

– Вот людям деньги девать некуда!

Она продолжила поглощение куриного тельца, в бумаге оказались еще огурец и вареная картошка, от которых Полина тоже отказалась.

– А вообще, – продолжала философствовать Ольга, – от книжек только вред один. Начитаются и давай родителей учить.

– Но помимо пищи материальной, – Полина кивнула на останки курицы, – должна быть пища духовная. Как же люди узнают, что хорошо, что плохо?

– А че тут узнавать-то? – Ольга посмотрела на Полину с жалостью. – Работай, денгу зарабатывай, семью содержи. Вот тебе и хорошо.

– Ну, да. Что я в самом деле, – вздохнула Полина, поездка показалась ей настоящим безумием.

– А я вот тебе случай скажу. Чище твоей фантастики будет. Жила-была у нас бабка одна. И померла.

– Короткая история, – улыбнулась Полина («Так и помер Митрич, – вспомнилась ей фраза из сериала).

– Ты погоду лыбиться. Не все еще. Померла, а про клад-то не сказала никому. Клад у ей был.

– Золото?

– А кто ж его знает? Не нашли пока. Но ищут. Бабка это не местная была. До войны их семья переехала из Польши, уж не знаю почему, – в голосе Ольги слышалось неодобрение.

Полина удивленно подняла на нее глаза и стала слушать внимательно.

– Графья не графья – не знаю, но Мишку, ейного сына, «графом» дразнили. Я тогда еще маленькая была.

Полина с изумлением поняла, что они с Ольгой ровесницы.

– Так это, говорят, ихние фамильные драгоценности. Даже родственникам не сказала, так и померла.

– А как ее фамилия?

– Фамилия-то Ковальская.

Полина почти не удивилась. Чего-то подобного она все-таки ожидала.

Через какое-то время Ольга задремала и Полина могла, наконец, погрузиться в свои мысли. Ее дед по отцовской линии, Яков Ковальский, действительно поселился в Чулыме еще до войны, жену взял местную сибирячку, родил двоих сыновей. Но по родным местам скупал и часто рассказывал маленькой Поле о том, какой прекрасный замок был у его предков в Польше. Сейчас Полина понимала, что все это было далеко от действительности, но в детстве представляла себя принцессой, рисовала этот замок и выдумывала разные удивительные истории, в конце которых обязательно появлялся принц, очень похожий на портрет какого-то актера, чья фотография висела у бабы Нюры в красном углу. А еще она отчетливо вспомнила, как за неимением кукол играла пуговицами из бабушкиной запретной шкатулки. Баба Нюра хорошо шила, война научила ее экономить, поэтому она срезала и хранила пуговицы со старой одежды. Поля добиралась до сокровища только после клятвенных обещаний бабушке складывать все на место и ничего не терять. И какое же это было счастье – открыть деревянную крышку и увидеть разноцветное богатство. Блестящие перламутровые были дамами, черные строгие – кавалерами. Полина разыгрывала бесконечные приключения с участием пуговиц. «Сейчас бы мне эти истории не помешали, – печально подумала она.

Все имеет конец, и поезд остановился у станции. Полина взволнованно смотрела в окно и узнавала здание вокзала, оно было точно таким, как на фотографии в ее старом альбоме. Она почти не слушала Ольгу, пропустив мимо ушей приглашение в гости, и лишь рассеянно кивнула ей на прощанье. Правда, отметила про себя, что тракторист ожидал Ольгу на перроне и был в точности таким, каким она его себе представляла. Почему-то у толстых женщин часто бывают худые мужья. Ее всегда интересовало, как им удастся заниматься сексом при такой диспропорции. Вскользь подумав об этом, она сошла на перрон. Это было очень странное ощущение. И странная эта категория – время! Оно то летит: мелькают часы, дни, месяцы. То тянется медленно, изматывая ожиданием. То вообще перестает существовать, когда ты отравлен любовным ядом. Ей всегда казалось, что категория эта выдумана была людьми от страха перед неуправляемостью своей жизнью. Страхом перед Вечностью. Ее надо было разбить на мелкие части, чтобы возникла иллюзия понимания. Час – шестьдесят минут. Сутки – двадцать четыре часа. И уже не так пугающе. Полина не то чтобы понимала Вечность, но чувствовала внутри, что нет на самом деле этого деления.

А сейчас у Полины было ощущение, что оно (время) остановилось. Тридцати лет как не бывало! Полина точно помнила, куда идти. Волнение охватывало ее все сильнее. Вот и площадь с Домом культуры. Только теперь здание было выкрашено в бирюзовый цвет. Отсюда налево поворот в улицу и деревянные тротуары. До сих пор деревянные! «Это не поезд! Это машина времени, – подумала Полина и невольно замурлыкала любимое. – Один говорил: наша жизнь – это поезд, другой говорил – перрон». Она жадно впитывала в себя это ощущение безвременья. Вот и дом на улице Комсомольской. Раньше в одном дворе было два дома. В одном маленьком, состоявшем из одной комнатки и кухни, жила когда-то ее семья. Полина вспомнила, как однажды обожгла руку об печку, и отец изрезал целый мешок картошки, заготовленный на зиму, прикладывая ее холодные половинки к маленькой ладошке. Дом напротив был высокий с резными ставнями (дед Яков искусно вырезал по дереву) с крутыми ступенями. Дом бабушки Нюры. «Боже мой! Вот уж точно, «когда деревья были большими!» – мелькнуло

у Полины. Когда-то давно дом этот казался ей дворцом. Полученные от нотариуса в Новосибирске ключи она держала в руке. Ничего не изменилось. Разве что забор посередине двора, который разделял теперь эти два дома. Полина чувствовала, как колотится сердце. Краем глаза она заметила какое-то движение. Из соседних домов на нее вовсю смотрели. Самые любопытные выходили и устраивались на лавочках с неизменными семечками. Вид Полины и правда должен был внушать интерес. И хотя сегодня она была в удобных мокасинах, джинсах, поло и замшевом пиджаке; волосы собраны в высокий хвост, а глаза спрятаны за непроницаемыми очками, в окружении халатов и треников она смотрелась весьма вызывающе. Полина поправила сумку и, открыв ворота, по тропинке из песка отправилась к двери.

В доме уже начинало пахнуть нежилым. Но все было чисто, даже часы на стене тикали. «Кто-то терем прибирал да хозяев поджидал», – пробормотала Полина. Обстановка была скромной, если не сказать, аскетичной. В первой комнате – простой стол, покрытый клеенкой с цветочками. Комод со стеклянными дверцами. Раньше там хранилось восхитительное земляничное варенье, которое Поля ела с хлебом и молоком. И это было самое вкусное блюдо, которое она когда-либо знала. Умывальник и печь. Дальше была бабушкина комната с высокой кроватью, швейной машинкой, комодом и зеркалом между двумя окнами. Еще дальше направо – маленькая комната, где часто спала она сама, приходя к бабе Нюре в гости. Полина поставила сумку на пол и опустилась на стул.

– Что я здесь делаю? – изумилась Полина. – Что я хотела здесь найти?

Вдруг она услышала странное шуршание, дверь заскрипела, и на пороге появился огромный полосатый кот. Одно ухо у него было в шрамах, у него была густая шерсть и мощные лапы, и вел он себя по-хозяйски. Увидев Полину, он приостановился.

– Привет. Ты Васька, наверно? Ну, не Барсик же!

Полина присела на корточки и протянула к нему руку:

– Давай знакомиться. Полина.

Кот еще какое-то время молча постоял, внимательно глядя на нее огромными зелеными глазницами, а потом, видимо, приняв решение, подошел и боднул ее в руку.

– Ты первая приятная личность на сибирской земле, – Полина погладила широкую голову. – Подожди.

Она достала из сумки небольшой бутерброд и отдала колбасу коту. Тот сосредоточенно понюхал, взял ломтик и вышел.

– Тактичный, – улыбнулась она.

Ее внимание привлек шум во дворе. Полина выглянула в единственное не закрытое ставнями окно. На месте их маленького беленого домика высился двухэтажный особняк с балконами, явно дорогой дверью и окнами нового поколения. На крыше поблескивала неизменная телевизионная тарелка. Спорящих видно не было, но шум усиливался. Наконец в окне мелькнула мужская фигура.

– Хозяева! – раздалось на веранде.

И на пороге показался мужчина в спортивном дорогом костюме и кроссовках. На вид ему было не меньше шестидесяти. Хотя мужчины часто выглядят старше своих лет. Он лучезарно улыбался, показывая золотые коронки.

– Здравьете. Это вы значит наследница, – он обвел рукой вокруг. – А мы соседи ваши.

– Здравствуйте.

Он протянул Полине руку, и ей пришлось ответить на рукопожатие.

– Устраиваетесь?

Полина не могла понять, почему ей так не понравился словоохотливый сосед. Она сама иногда боялась своей интуиции. И как-то на просьбу Лиманской прекратить слушать свое шестое чувство или хотя бы на время отключать его, Полина торжественно изрекла: «Не могу. В отличие от людей интуиция меня никогда не обманывала!» Потом она собиралась исполь-

звать эту сакраментальную фразу в каком-нибудь своем романе. Так вот интуиция сейчас настойчиво подсказывала, что с этим улыбчивым соседом что-то не так. И казался он ей неуловимо знакомым. Как будто когда-то она его уже видела. Но когда? Оказавшись в этом городе, она вообще ощущала, как обострились все ее чувства. Как будто где-то здесь, совсем рядом находился источник ее энергии. «Наверное, это называется родина, – подумала Полина.

– Так вы по-соседски к нам на ужин. Кстати, меня Владимиром зовут.

– Спасибо. Сегодня вряд ли. Хочу отдохнуть с дороги.

– А, ну ладно, – легко согласился он и как будто немного обрадовался.

– Вовка! – раздался снаружи весьма неприятный женский голос, и Вовка засуетился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.